

Джон Голсуорси

Секхет

Перевод с английского
Виктора Хинкиса

ФТМ

SHOUT
SHARE IT

Annotation

В этой небольшой пьесе боги Древнего Египта становятся аллегорическим воплощением социума начала XX века. Цинично и жестоко они судят тех, кто осмелился выйти за рамки установленных порядков, – и не важно, какова была цель...

Всех осуждённых ожидает встреча с Секхет, египетским Демииургом, девиз которого: «Наказывай виновных и устраняй осквернение». Но кто же осквернен в современном мире: обвиняемые или обвинители? И кто в действительности заслуживает наказания?..

- [Джон Голсуорси](#)

- [notes](#)

Джон Голсуорси

Секхет

(сон)

Секхет! О ты, пожирающая грешные души в преисподней! У тебя темная голова львицы и смуглое тело обнаженной женщины; одна нога протянута вперед, руки прижаты к бедрам, а глаза, каких не бывает ни у женщины, ни у львицы, устремлены во тьму, выискивая очередную жертву! Она стоит там, бодрствуя днем и ночью, вечно окутанная мраком. Не диво, что простой народ думает, будто она пожирает детей.

И вот, после того как я увидел Секхет в ее темной нише в Карнаке, мне приснился сон...

Пятеро судей, призванные судить мертвых, сидели в лимонной роще у стен Карнака. А за опушкой рощи стояли мы, мертвые, ожидая суда, – тысячи и тысячи нас теснились на земле египетской, по всей Фиванской равнине. Пятеро судей сидели рядом. Сомбор, этот маленький вершитель правосудия, худой, с длинным, желтым, как пергамент, лицом, со впалыми щеками и жгучими черными щелками глаз, держал в тонких пальцах цветок папируса. Диарнак, рослый, с осанкой воина, сидел прямо, не шевелясь, с серьезным выражением лица, обрамленного острой бородкой, а над его головой среди бела дня кружила летучая мышь. Мемброн, чье широкое, жреческое лицо блестело так, словно он на ночь умащивал его благовониями, то улыбался, то принимал торжественный вид, держа в одной руке золотую монету, а в другой – маленького идола. Марроскуин, самый просвещенный из них, с пухлым, расплывшимся телом и морщинистым, дряблым, хитрым лицом, гладил кошку, свернувшуюся на его круглых коленях. Бутта, коренастый, краснолицый, деловитый человек с седой бородой и маленькими кабаньими глазками, носивший на пальце массивное золотое кольцо с печаткой, казалось, дремал.

И вот заговорил Сомбор.

– Братья, Секхет ждет!

И тут я увидел, что первый из нас уже стоит перед ними, – высокий молодой человек с беспомощным выражением приятного лица. На его губах, слегка пузырившихся пеной, блуждала слабая улыбка, а глаза, полные отчаяния, слезились от яркого солнца.

– Я здесь, господа, – сказал он. И допрос начался.

Сомбор. Твое имя? Вархет? Ты умер прошлой ночью? Говори

правду, нам ведь и без того она известна. Пьянствовал?

Вархет. Да, господа.

Диарнак. Сколько раз был под судом?

Вархет. Ни разу, господа. В нашей деревне и полицейского-то нет.

Диарнак. А как называется твоя деревня?

Бутта. Послушай, Диарнак! Давай ближе к делу! Скажи-ка нам, молодой человек, отчего ты стал пьянствовать?

Вархет. Да я и сам не знаю, господа. Когда выпьешь, все кажется не таким мрачным.

Бутта. Что ж, я и сам не хуже всякого другого люблю выпить шотландского виски – только в меру. Продолжай, молодой человек.

Вархет. Слушаюсь, господин. Чем больше я пил, тем менее был счастлив; а чем менее я был счастлив, тем больше пил.

Бутта. Что ж, понимаю. Тебе хотелось весело пожить. Я и сам это люблю; и, уверяю тебя, когда я много работаю, играю в кегли и изредка молюсь, я доволен жизнью, как большинство людей.

Вархет (с живостью). Да, господа, в том-то и дело. Я хотел только счастья себе и другим. А когда я понял, что это невозможно, я взял ружье и застрелился.

Бутта. Ну нет! Этого ты не должен был делать! Это сумасбродство. Вот уж чего не переносу, так это сумасбродства.

Сомбор. Застрелился. Ха!

Марроскуин. И такая мучительная смерть! Почему ты не избрал себе смерть полегче, Вархет?

Вархет. Господин, я жил в деревенской глуши.

Мемброн. Но ведь ты разрушил храм своего тела.

Вархет. Господин, он все ветшал и ветшал, от него не было пользы ни мне, ни другим. Вот я и подумал...

Диарнак. Меньше всего это пристало солдату! Тебе нет прощения.

Сомбор. Можешь ты сказать что-нибудь вразумительное в свою защиту, Вархет?

Вархет. Господа, с тех пор как я умер, мне все кажется, что если бы я мог описать счастье, когда был несчастен, это спасло бы меня.

Марроскуин. Ты хочешь сказать, что из тебя мог выйти романтический писатель? Это любопытно! Я всегда полагал, что оптимизм в искусстве возможен только в том случае, если художник болен или несчастен.

Бутта. Эй! Ближе к делу, Марроскуин.

Сомбор. Голосуем! Кто за Секхет?

Марроскуин. Одну секунду! По его собственному признанию, этот человек мог бы стать художником. Мне кажется, нам следовало бы...

Сомбор. Марроскуин! Если оставить безнаказанным этого несчастного пьяницу, лишившего себя жизни, множество несчастных последует его примеру. А кто они, эти несчастные? Те самые люди, которых я призван судить, из которых Диарнак вербует своих солдат, перед которыми Мемброн произносит свои проповеди; это они дают тебе возможность наслаждаться культурой, Марроскуин, и создают богатство Бутты, основу его страны. Эти люди, которые стали бы безрассудно убивать себя, – опора общества. Нет, этому нужно положить конец. Голосуем! Кто за Секхет? Все, кроме Марроскуина. Уведите его!

Вархет все улыбался, и его влажные, трагические глаза блуждали по лицам судей. Его отвели в сторону, поставили под самым большим лимонным деревом. И тогда из нашей толпы выступил второй подсудимый, загорелый, весь в грязи; на вид ему было лет пятьдесят. Его черные глаза сверкали из-под спутанных волос, все лицо заросло бородой, а одет он был в такое отрепье, что походил на матерчатую швабру.

Диарнак. Твое имя? Наин? Говори, Наин!

Наин. Я бродяга.

Диарнак. Это мы видим.

Наин. Я умер час назад.

Диарнак. Отчего?

Наин. Оттого, что вынужден был оставаться на одном месте.

Бутта. Что? Как это так?

Наин. Они схватили меня и держали все время в одном месте. Я терпел это целый месяц. А потом меня одолела тяга к странствиям, и я сбежал от них навсегда.

Диарнак. Но в таком случае, что означают эти лохмотья? По закону...

Наин. Я упросил их отдать мне мою одежду, чтобы я мог умереть в ней, и они смиловались надо мной.

Мелброн. Уважая свободу личности, общество вынуждено однако ограничивать нежелательных субъектов.

Марроскуин. Это пахнет вар-р-р-варством.

Сомбор. Так, значит, ты один из тех жалких негодяев, которые не хотят работать?

Наин. Ну и что же?

Сомбор. Никакой приговор не будет для тебя слишком суровым.

Диарнак. Почему ты не пошел в солдаты?

Бутта. Диарнак, не оскорбляй знамя! Мой друг,

ты сумасброд. По-моему, ты заслужил то, что ожидает тебя. Ты, видно, родился усталым.

Наин. Да.

Диарнак. Что ты можешь сказать в свою защиту?

Наин. Ничего. Только вот тяга к странствиям...

Сомбор. Голосуем!

Марроскуин. Одну секунду! Ведь это и в самом деле любопытно – тяга к странствиям! Друг мой, расскажи, что это такое!

Наин. Как бы мне вам объяснить... Ну, скажем, ты делаешь какую-нибудь мерзкую работу – качаешь воду, или кладешь кирпичи, или подметаешь улицу, и так целый месяц; и вдруг вот здесь у тебя защемит. И ты говоришь себе: «Ах, да что же это!» И снова качаешь воду или кладешь кирпичи. Но назавтра – все брошено и ты уже в пути.

Марроскуин. Мой дорогой друг, ты говоришь невразумительно. Что... что именно ты чувствуешь в такие минуты?

Наин. Господин мой, если вам угодно, я скажу: это словно запах дождя в пустыне. Почуешь его – и уже не можешь оставаться там.

Марроскуин. Ага! Теперь я понимаю. Это очень к-р-р-асиво! Ты мог бы стать художником. Я даже думаю, нам следовало бы...

Диарнак. Марроскуин! По моим новым законам этот человек должен был осесть и постоянно работать на одном месте. Он умер и нарушил эти законы. Если мы оставим его поступок безнаказанным, мои новые законы тоже будут мертвы.

Марроскуин. И все же – тяга к странствиям! Это так поэтично!

Бутта. Никогда не испытывал ничего такого!

Сомбор. Большинство людей не хочет работать; и если мы не осудим этого человека, большинство решит, что работать незачем.

Мемброн. Мы должны смотреть правде в глаза, но не быть циничными. Лично я хочу работать, все мы хотим работать, разве только за исключением Марроскуина.

Диарнак. Но ведь мы правители.

Сомбор. Да. Мы делаем то, что нам нравится, а большинство людей – нет.

Марроскуин. Это правда; и все же не так легко...

Бутта. Марроскуин, если б тебя с детства приучили к трудолюбию, как меня, ты не стал бы церемониться с этими слюнтяями, которые не могут заставить себя заниматься делом.

Марроскуин. Боже сохрани!

Диарнак. Голосуем! Кто за Секхет? Все, кроме Марроскуина. Увести осужденного!

Наина поставили под лимонным деревом, и вперед выступила из толпы третья. Это была молодая женщина, высокая, хорошо сложенная, в платье с глубоким вырезом, таком коротком, что оно не закрывало даже лодыжки. Светловолосая, круглолицая, она была хороша собой и мила; но в голубых, как незабудки, подведенных глазах таилось что-то трагическое. Ласково и вместе с тем испуганно перебежали они с одного лица на другое.

Мемброн. Твое имя? Талете? Тебе незачем и говорить нам, кто ты такая. Мы готовы принять во внимание любое смягчающее обстоятельство. Хотя ты и совершила смертный грех, мы должны быть милосердны. Говори!

Талете. Господин, то, что сделала я, сделал и мужчина.

Сомбор. И ты посмела это сказать! Голосуем!

Бутта. Ну, ну, Сомбор; ты слишком торопишься решить судьбу этой девочки. Расскажи нам, дорогая, отчего ты умерла?

Талете. От страха.

Марроскуин. Господи боже!

Талете. Да, господин. В последнее время полиция часто сажает нас за решетку, бедной девушке деваться от нее некуда. А нервы у меня уж не те, что раньше; и позавчера, когда они снова меня посадили, я умерла.

Бутта. Ты не должна была делать это! Сколько тебе лет?

Талете. Двадцать четыре.

Бутта. Ай-ай! Такая молодая!

Мемброн. Смерть – неизбежное воздаяние за грех.

Сомбор. Одним источником зла меньше.

Диарнак. Ты знаешь закон?

Талете. Да, господин. Мужчинам нужны такие девушки, как я, а по закону нас должны арестовывать, не то люди скажут, что мужчины сами поощряют веселую жизнь.

Марроскуин. Это просто безоб-р-р-азие, что мужчины, которые издают законы, ради своего удовольствия губят других.

Диарнак. Во всяком случае, на улицах должен быть порядок.

Бутта. Ну, дорогая, расскажи, как ты дошла до этого? В лучшем случае ты, можно сказать, зря растратила свою жизнь.

Талете. Я вышла замуж, когда мне было шестнадцать лет; с мужем мы не ладили; а потом я встретила человека, которого, как мне казалось, полюбила по-настоящему; но я ошиблась. Потом я встретила еще одного и была уверена, что уж это тот самый, настоящий, а он был совсем не тот; и после этого мне было почти все равно, но хотя я никому не отказывала, чтобы как-то прокормиться, я всегда искала его.

Марроскуин. По-р-р-азительно! Поиски совершенства. Эта девушка художник. Я думаю, нам следовало бы...

Мемброн. Братья! Голосуем!

Сомбор. Секхет!

Бутта. Нет, мне это не нравится; у нас с миссис Бутта есть дочери. Давайте оправдаем ее.

Талете. И вот еще что, господин: я никогда не выдавала ни одного мужчины.

Диарнак. Секхет!

Марроскуин. Она так трогательна. Я не могу...

Мемброн. Два против двух. Мой голос решающий – дайте мне подумать. Если мы простим эту падшую дочь, – а строго придерживаясь наших принципов и не пересматривая их критически, нам, вероятно, все-таки следовало бы это сделать, – что нас ждет? Мы уже не сможем сказать народу: грешите, но помните – вы погубите свои души! А это, братья, очень опасно. Мы не должны забывать, что наш символ веры – любовь и сострадание, но нужно с большой осторожностью относиться ко всякой сентиментальности и мягкосердечию. Должен сказать, положила руку на сердце, что я не осуждаю ее, но, тем не менее, не могу воздержаться от голосования. Ибо, братья, мы должны помнить, что если мы не осудим ее, то уж, верно, никто ее не осудит; а если кто случайно и осудит, то это будет унижительно для нашего достоинства, ибо мы признали себя арбитрами морали. Поэтому, сознавая, сколь много значит сострадание, я считаю своим профессиональным долгом сказать: Секхет! Решено тремя голосами против двух. Уведите ее!

Когда Талете отошла в сторону, я увидел, как голубь слетел к ней на плечо и сидел там, воркуя, а она, все еще глядя на судьей с тайной мольбой во взоре, потерлась щекой о крыло птицы. Ее место занял молодой человек, темноволосый, с блестящими глазами, черными усами, которые он то и дело подкручивал, и удивительно прямым затылком.

Марроскуин. Твое имя? Арва? Так! Каким же образом ты покинул нашу землю?

Арва. Я улетел.

Марроскуин. Ты что, летчик?

Арва. Нет, не совсем. Зато через все прочее я прошел.

Марроскуин. Так, так. Наслаждался ли ты морфием, был ли в Монте-Карло?

Арва. Было и то и другое. Да еще тотализатор.

Марроскуин. Понятно; случай безнадежный. Нынче это так часто бывает: «Ludum insolentem ludere pertinax»^[1]. Да, да!

Бутта. Насколько я понимаю, этот юноша – игрок.

Позвольте же мне сразу сказать ему, что здесь он не найдет сочувствия. Очень уж много развелось этих азартных игроков.

Марроскуин. И все же мы должны попытаться поставить себя на его место. Лично мне неведомы такие искушения.

Сомбор. У тебя просто не хватает смелости!

Марроскуин. Я тебя не просил вмешиваться! *(Обращаясь к Арве.)* Расскажи нам, чего ради ты прошел через все это.

Диарнак. И покороче.

Арва. Таким уж неугомонным я уродился.

Марроскуин. Восхитительно сказано. Этот юноша – художник.

Арва. А тут еще газеты...

Мемброн. Порицая склонность прессы разбрасываться и ее пристрастие к сенсациям, мы должны по справедливости отметить некоторые ее безусловные достоинства.

Бутта. Я многое могу простить молодежи, но эта лихорадка – совсем не английская черта. Сам я никогда не был ей подвержен, кроме разве одного случая, – помнится, тогда миссис Бутта живо поставила мне горчичники. Вот из-за таких, как ты, цены на акции и скажут то и дело.

Диарнак. Это переходит всякие границы.

Мемброн. Это питает наш национальный порок.

Арва. Ну, чего вы хотите, ежели теперь вокруг – настоящая ярмарка.

Марроскуин. Мы прекрасно понимаем, что ты по натуре – человек неуравновешенный. Можешь ты сказать что-нибудь еще в свое оправдание?

Арва. Ставлю шесть против четырех, что я могу обскакать Секхет на первом же круге.

Бутта. Молодой человек! Не будь легкомысленным!

Мемброн. Боюсь, что он безнадежен.

Марроскуин. Признаться, я готов восхищаться подобными людьми. Сам я, пожалуй, не стану голосовать за Секхет, но мне хотелось бы послушать, что скажут другие.

Бутта. Секхет!

Диарнак. У армии украден еще один солдат. Секхет!

Мемброн. А у церкви – сын. Секхет!

Сомбор. Мне нравится его мужество. Поэтому я считаю, что он заслуживает снисхождения.

Марроскуин. Душой я на вашей стороне, молодой человек, но приговор гласит: «Секхет», и он принят тремя голосами против двух!

Арва. Отлично! Я вижу, что сделал ставку не зря.

И Арву тоже поставили под лимонным деревом. А потом я

увидел, что они подошли и вывели вперед того, кто стоял рядом со мной. Какое зло мог совершить человек с таким благородным лицом? Облаченный в белые одежды, высокий, с красивой головой, глубокими глазами и длинной бородой, он вызывал у меня чувство почтения. Он спокойно ждал допроса, и мне показалось, что судьям нашим стало не по себе. Наконец Бутта, возведя свои маленькие глазки к небу, заговорил.

Бутта. Ну-с, почтеннейший. Не угодно ли вам назвать свое имя? Ханци? А как это пишется? Ага. Так вот, мистер Ханци, не сообразовали ли вы рассказать, почему вы «сбросили бремя жизни»^[2], как сказал поэт?

Ханци. Для меня больше не было места.

Бутта. Значит, если я правильно понял, вас просто-напросто вытеснили?

Ханци. Я умер, потому что меня нигде не пускали на порог.

Мемброн. Ах! Кажется, я... Служитель, задерните шторы.

Диарнак. Ханци, я тебя знаю.

Бутта. А я – нет, и, пожалуй, знать не хочу. Если ты желаешь высказаться, я не стану тебе препятствовать; но не думаю, чтобы это произвело на нас большое впечатление. Ты кажешься мне диковинным субъектом.

Ханци. Братья!

Сомбор. Не зови нас братьями, не то тебе же будет хуже.

Ханци. Друзья! Изю дня в день, из года в год я скитался по свету, как скитается ветер меж ветвей деревьев. Я шел от озера к озеру и видел, как мой образ сияет и меркнет в черной глубине. Я человек темный, у меня нет иных достоинств, кроме любви ко всему живому. Выпадала роса, и на небо выходили звезды, и я, передохнув, шел дальше. Ах, если бы я мог навеки остаться с каждым живым существом!

Бутта. Но они не принимали тебя? В этом все дело?

Ханци. У меня нет имущества, у меня нет имени. Я слышал, как они говорили: «Если мы впустим его в дом, то лишимся всего. У нас не будет ни власти, ни богатства, одна только любовь. А что в ней проку?»

Когда Ханци произнес эти слова, наступило долгое молчание. Судьи сидели, закрыв руками лица. Наконец Бутта заговорил.

Бутта. Ну, что нам с ним делать? Слышал я об этой самой любви, но ни разу еще не встречал странствующего торговца, который возил бы с собой этот товар. Господа, у вас есть к нему вопросы? Служитель, подай мне мой парик; солнце так палит – нет мочи терпеть.

Сомбор. Выходит, ты разрушитель?

Ханци. Ветер сметает и развеивает все на свете, но ветер же

все соединяет.

Сомбор. Говори проще. Ты против тех, кто судит, или нет?

Ханци. Благородный господин, тому, кто дал мне приют, суд не нужен, так велика его любовь.

Сомбор. Без суда! Без власти! Все ясно!

Диарнак. Ханци! Повинуешься ты приказам или нет?

Ханци. Господин, я повинуюсь всем приказам, но там, где я пребываю, приказов не отдают... Все служит любви.

Диарнак. Без приказов! Ну, довольно!

Мемброн. Ханци! Помнится, однажды мы решили испытать тебя, и ты не выдержал испытания. Любовь, без сомнения, идеал, но куда действеннее изнурять тела и души людей; долгий опыт научил нас проповедовать первое, а делать второе. Можешь ли ты объяснить нам, во имя чего столько веков спустя мы должны во второй раз тебя испытывать?

Ханци. Брат, мне запрещено просить или оставаться там, где хотят от меня избавиться. Я могу лишь появляться то тут, то там, подобно дождю, или пению птиц, или солнечному свету, падающему на землю сквозь листву. Если вы не готовы принять меня всем сердцем, тогда гоните меня прочь!

Мемброн. Ты хочешь невозможного. Так не бывает – чтобы всем сердцем!

Марроскуин. Ханци! Всякий раз, как я читаю о тебе в книгах, вижу твои изображения, слышу твой голос в музыке, это трогает и даже восхищает меня, и теперь, когда я вижу тебя во плоти, я хочу, чтобы ты остался с нами, если это возможно. Но я должен задать тебе один вопрос. Разрушишь ли ты то утонченное благополучие жизни, ту культуру, которая, признаюсь, есть *sine qua non*^[3] моего существования? Искренне надеюсь, что ты ответишь «нет».

Ханци. Друг, что такое благополучие? Значит ли это все делить с ближними, не причинять зла ни одному живому существу? Значит ли это страдать вместе с одним и радоваться с другим? Если это и есть благополучие, и утонченность, и культура, я охотно останусь с тобой.

Марроскуин. Ах! Уйди, прошу тебя!

Бутта. Господин Ханци! Скажу откровенно, – я человек ничем не примечательный; таких, как я, сотни и тысячи, нам пришлось самим прокладывать себе дорогу в жизни. И я спрашиваю себя: как бы мог я это сделать, если б взял тебя в товарищи? Как бы я выбился в люди, если б заботился обо всех, как о самом себе? Нет, брат, это не практично, это не по-английски, и потому – не по-христиански. Как бы ни была сильна добрая воля в мире, чем скорее Секхет сожрет тебя, тем лучше для нас всех. И я

голосую за Секхет!

Сомбор (не отнимая рук от лица). Ханци! Из всех преступлений против общества твое преступление самое ужасное. Ибо там, где ты, наше общество не может существовать. Там, где ты, не нужен ни я, ни Диарнак, ни Мемброн, ни Марроскуин, ни Бутта. А это просто невысказано. И поскольку это невысказано для нас, судьба, твоя решена. Секхет! Секхет!

Диарнак. Ты больше не будешь сеять смуту в рядах моих солдат. Секхет!

Мемброн. Ханци! Я сочувственно выслушал все, что ты сказал о себе, но, мне кажется, усматриваю во всем этом тайное посягательство на меня самого. Я от всей души хотел бы терпимо отнестись к твоему учению и даже приветствовать его, но я не вижу, как можно примирить все это с моими собственными интересами. Поэтому я вынужден скрепя сердце – служить, ставни! – сказать: Секхет.

Марроскуин. Увы! Увы! Секхет!

И тут все судьи, закрыв лица, замогильными голосами еще раз крикнули: «Секхет!» А Ханци, глядя на них своими глубокими глазами, поднял руку в знак того, что он слышал это, и отошел к тем, кто стоял под лимонным деревом.

Наступила моя очередь! Но когда я шагнул вперед, Сомбор встал.

– Уведите этих пятерых под пальмы и спустите Секхет с цепи, – сказал он. – Довольно на сегодня, мои справедливые и высокоученые собратья. Посмотрим, как будут приводить в исполнение наш приговор.

И, сопровождаемый остальными судьями, он скрылся меж пальм. Вархета, Наина, Талете, Арву и Ханци увели из лимонной рощи. И вдруг над землей начала сгущаться какая-то странная мгла, и небо стало темно-оранжевым. И море черных голов позади нас, на Фиванской равнине, вдруг усеялось белыми пятнами лиц, словно пенными бурунами, вздымаемыми налетевшим штормом. Вдруг в дальнем конце лимонной рощи я увидел своего переводчика, Махмуда Ибрагима. Подбрав полы желтой одежды, он бежал во всю прыть. На его широком, жизнерадостном лице было выражение и ужаса и удовольствия. Указывая через плечо большим пальцем, он крикнул, едва переводя дух:

– Секхет! Она ошиблась! Она пожирает не тех! Пожирает судей! Умница Секхет, – она уже сожрала четырех, а теперь гонится за Буттой! Боже мой! Он бежит, да, да, бежит! Вот это здорово! Вот это жизнь!

И он покатился со смеху. Мы слышали вдали протяжный

воплъ: «О-о-о!» А потом наступила тишина, она разлилась над всей Фиванской равниной, до самых гор. И небо снова стало голубым... Я проснулся...

Секхет! Ты, что пожираешь грешные души в преисподней!
Днем и ночью, в вечной тьме, ты бодрствуешь!

notes

Примечания

Упорный в разнузданных играх (лат.).

Цитата из «Гамлета», действие III, сцена 1.

Непрерывное условие (лат.).